

Позиция А.Е.Любарева по ситуации с регистрацией кандидатов на выборах в Московскую городскую Думу

Ситуация с регистрацией кандидатов на выборах в Мосгордуму стала результатом наложения нескольких факторов. Если в двух словах: к дурному законодательству добавилось еще более безобразное его применение.

1. Явно чрезмерные требования к числу подписей (3% от списочного числа избирателей) в сочетании с кратким периодом сбора подписей (месяц) и летним периодом сбора – все это превращает сбор подписей в тяжелейшую задачу даже для опытных политиков и в результате провоцирует кандидатов к поиску более легких, но незаконных путей. Это не оправдывает тех, кто прибегнул к рисовке подписей. Однако когда нарушение становится массовым, с ним почти невозможно бороться.

2. Жесткие требования к оформлению подписных листов и сложившаяся система их проверки на самом деле не позволяют надежно выявлять рисованные подписи, но дают почти неограниченные возможности для произвола. А если такие возможности есть, ими рано или поздно начнут пользоваться.

О том, что в создавшейся ситуации избиратель оказывается уже не главным лицом на выборах, говорят давно. Но и избирательные комиссии получают фактически отодвинутыми. Главным лицом на выборах, определяющим, из кого мы будем выбирать, становится почерковед. А если точнее – тот, кто дает почерковеду указания.

3. Фильтрация кандидатов по политическим мотивам давно стала заурядной технологией российских выборов, и Москва в этом отношении не раз показывала пример. На выборах 2001 года ряд сильных кандидатов был снят через суд. В 2005 году фильтрация применялась в ограниченном масштабе, и при этом части кандидатов удалось все же добиться регистрации (тогда еще можно было регистрироваться по залогу, и это затрудняло фильтрацию). Но был очень яркий эпизод, когда трем кандидатам (среди них был депутат Мосгордумы Дмитрий Катаев) председатель ОИК сообщил неверный номер счета для внесения залога, а потом им отказали за то, что они внесли залог не на тот счет. Тогда и МГИК, и Мосгорсуд оказались на стороне ОИК, и только Верховный Суд восстановил кандидатов, но уже в самом конце кампании (но при этом все трое сумели получить 14–17%).

А в 2009 году (залога тогда уже не было) отказывали в регистрации уже массово, и одной из самых распространенных претензий к подписям было отсутствие подстрочных указаний в подписных листах, что трактовалось как нарушение формы подписного листа. После этого законодателям пришлось специально отмечать в законе, что подстрочники указывать не обязательно. Но дело было сделано. Кстати, представители снятых кандидатов пытались проверить, были ли подстрочники у тех, кого зарегистрировали, но им такую возможность не дали.

В 2014 году многие кандидаты отсеялись, не сумев собрать нужное количество подписей, поскольку тогда правила были резко изменены перед самыми выборами (увеличение в шесть раз требуемого количества подписей, новая нарезка округов). Но два известных кандидата (Мария Гайдар и Ольга Романова) подписи собрали, и их им зарубили. А какова была успешность тех, кого по подписям зарегистрировали, стало видно по итогам голосования: две трети получили меньше голосов, чем им зачли подписей.

4. Выборы в Мосгордуму 2019 года уникальны тем количеством серьезных кандидатов, которые должны были собирать подписи. С 2004 года часть партий имеет льготу регистрировать своих кандидатов без сбора подписей (до 2012 года это были только парламентские партии, в 2012 году льготу получили все партии, но с 2014 года льготу имеют только парламентские партии плюс некоторые другие). Это привело к тому, что значительной части серьезных кандидатов все эти 15 лет для регистрации не требовалось собирать подписи.

В этот раз, с одной стороны, кандидаты от власти предпочли самовыдвижение, а не выдвижение от «Единой России». Все, абсолютно все кандидаты от власти (более 40). Такое на региональных выборах происходит впервые с 2003 года. С другой стороны, муниципальные выборы 2017 года показали, что сейчас в Москве главной оппозиционной силой является не парламентская оппозиция, а некая не всегда единая, но умеющая консолидироваться сеть гражданских активистов, иногда именуемая «несистемной оппозицией». И им всем тоже пришлось собирать подписи. В отличие от 2014 года, когда «Яблоко» имело льготу и часть гражданского актива выдвигалась от этой партии. Но, также в отличие от 2014 года, кандидаты к сбору подписей оказались готовы.

5. Результат мы видим. Ставленники власти подписной фильтр прошли – исключением стал лишь скандальный 43-й округ, где после отказа от участия в выборах Анны Федермессер срочно выдвинулись сразу два кандидата, которых оценивали как ставленников власти.

Технические кандидаты (то есть те, у кого нет шансов не только на победу, но и на получение более-менее приличного результата) подписной фильтр тоже по большей части прошли.

Из «несистемной оппозиции» подписной фильтр не прошли наиболее сильные и известные. Прошли в основном те, которые менее известны и, по-видимому, сочтены неопасными.

Разумеется, по каждому случаю отказа нужно разбираться отдельно – и это большая работа, которая по закону может быть возложена только на МГИК, ЦИК или суд. Процесс рассмотрения жалоб еще не завершен, поэтому его рано анализировать.

Но процесс, проходивший в окружных комиссиях, уже можно анализировать. И вся совокупность фактов, исследуемая разными методами, свидетельствует, что подписной фильтр, как уже не раз бывало, сработал «с точностью до наоборот»: его прошли слабые кандидаты и кандидаты с рисованными подписями и не прошли сильные кандидаты, реально собиравшие подписи. Его прошли представители власти и технические кандидаты, но не прошли реальные лидеры оппозиции.

Все это, повторяю, не ново, но в этот раз проявилось особенно ярко и наглядно.

Теперь некоторое количество подробностей, чтобы доказать или проиллюстрировать тезис о том, что подписной фильтр сработал «с точностью до наоборот».

Итак, зарегистрированы 233 кандидата, из них 130 от парламентских партий, имеющих льготу (44 от КПРФ, 41 от «Справедливой России», 45 от ЛДПР), и 103 по подписям. Отказано в регистрации 57 кандидатам. Остальные утратили статус выдвинутого кандидата, иными словами, они не подавали документы на регистрацию.

Более тщательный анализ показал: 16 кандидатов сдали в избиркомы заведомо недостаточное число подписей. Поэтому их правильнее приплюсовать к тем, кто не сдавал документы на регистрацию. И обсуждать отказы только 41 кандидату – те, которые основаны на результатах проверки подписных листов.

И вот наиболее важный вопрос: кого зарегистрировали и кому отказали? Можем ли мы утверждать, что зарегистрированы кандидаты, имеющие поддержку избирателей и реально собравшие подписи, а отказы получили кандидаты, поддержки избирателей не имеющие и подписи реально не собиравшие? Или, скорее, все наоборот?

Тут можно использовать разные критерии. Некоторые коллеги, например, оценивали частоту поисковых запросов в Яндексе, основываясь на логике: если кандидат реально собирал подписи, то немалая часть избирателей должна была поинтересоваться – кто он такой. Метод не бесспорный, но как рабочий инструмент вполне пригодный. И его результаты свидетельствуют: именно у тех, кому отказали, запросов было много, причем их интенсивность резко возросла с начала периода сбора подписей. А у многих зарегистрированных кандидатов запросов было гораздо меньше, либо (это относится к ряду известных личностей) интенсивность запросов мало изменялась в ходе кампании.

Можно попытаться оценить известность тех или иных кандидатов. А можно посмотреть, сколько они получили голосов и процентов на не очень давних выборах. Например, мы знаем, сколько получили на выборах в Госдуму 2016 года Андрей Бабушкин (13,9%), Юлия Галямина (14%), Кирилл Гончаров (11,1%), Дмитрий Гудков (19,7%), Сергей Митрохин (12,3%), Елена Русакова (11,9%), Константин Янкаускас (8,2%), сколько получили на выборах в Мосгордуму 2014 года Андрей Бабушкин (28%), Юлия Галямина (18,2%), Кирилл Гончаров (23,8%), Елена Русакова (25,6%).

Дополнительный аргумент дали нам прошедшие в Москве 20 и 27 июля массовые мероприятия. Не вдаваясь сейчас в их оценку, я лишь резюмирую: вывести такое количество людей на улицы способны только политики, имеющие реальную поддержку граждан.

И одновременно можно вспомнить, что Коммунистическая партия Коммунисты России получила в Москве в 2016 году всего 49 тыс. голосов (1,9%), а ее кандидат Максим Сурайкин в 2018 году – 33 тыс. голосов (0,72%). А сейчас зарегистрированы 32 кандидата от этой партии, которые в сумме должны были собрать около 150 тыс. подписей. Понятно, что возникает законный вопрос: как это у них так здорово получилось?

Есть, кстати, еще один метод: посмотреть затраты на сбор подписей. Эксперты, которые смотрели финансовые отчеты кандидатов, заметили явные диспропорции. Но, к сожалению, по первому финансовому отчету еще сложно делать выводы: там пока не все расходы могут быть отражены.

Я попробовал применить метод, который мне кажется наиболее объективным. Всех кандидатов можно разделить на три категории: депутаты Мосгордумы, московские муниципальные депутаты (подмосковных и рязанских я не учитываю) и остальные. По всем политологическим меркам московские муниципальные депутаты (в целом как категория) должна быть более успешны, чем кандидаты, депутатами не являющиеся. У них связь с избирателями, у них уже есть определенная поддержка, у них есть опыт.

А что мы видим? Не считаем кандидатов, зарегистрированных по льготе, не считаем 16 депутатов Мосгордумы (которые все зарегистрированы; единственный депутат МГД, не поддержанный администрацией, выбыл, не сдал подписи).

Из остальных зарегистрированы 87, из них 18 муниципальных депутатов. Отказано 41, из них 15 муниципальных депутатов.

Таким образом, из 98 кандидатов, не являвшихся депутатами и сдавших достаточное число подписей, зарегистрированы 69 (70%). Из 30 муниципальных депутатов, сдавших достаточное число подписей, зарегистрированы 18 (60%).

Итак, уже самый поверхностный анализ показывает, что успешность прохождения подписного фильтра у муниципальных депутатов оказалась ниже, чем у кандидатов, не являвшихся депутатами.

Для более глубокого анализа достаточно было посмотреть, кто выдвигал этих кандидатов на муниципальных выборах 2017 года (в одном случае – 2016 года). Оказалось, что 9 выдвигались «Единой Россией», из них 8 зарегистрированы и один получил отказ.

Если исключить эти 9, то получится, что из 21 муниципального депутата, избранного не от «Единой России», отсеив составило более половины: зарегистрированы 10, а отказано 11.

А если еще исключить трех кандидатов, избранных от КПРФ и одного, избранного от «Справедливой России» – из них трое зарегистрированы и один получил отказ (исключить их можно хотя бы потому, что у них нет опыта сбора подписей), тогда получится, что из 17 муниципальных депутатов, избранных как самовыдвиженцы или от непарламентских партий, зарегистрированы 7 и отказано 10.

Это – абсолютно ненормально!

И вот вся совокупность фактов приводит нас к выводу:

- либо вся процедура регистрации по подписям неадекватна,
- либо при проверке подписей ОИКи проявили пристрастность,
- либо имеет место и то, и другое.

Чтобы разобраться дальше, нужно было понять, как браковались подписи.

Мне удалось собрать протоколы проверки подписных листов по 13 кандидатам от оппозиции, из них 3 зарегистрированы и 10 получили отказы.

Закон позволяет избиркомам проверять либо все представленные подписи, либо делать выборочную проверку (не менее 20% от требуемого числа подписей). Московские избиркомы проверяли все подписи; насколько я понял, такова была рекомендация МГИК.

Требуемое количество подписей в разных округах разное: от 4354 до 5315.

Кандидат может представить в избирком подписи с избытком не более 10% от требуемого числа (т.е. не более 110%).

По результатам проверки избирком отказывает в регистрации, если забраковано более 10% подписей от числа проверенных, либо если оставшееся число подписей (число представленных минус число забракованных) окажется меньше требуемого. Поэтому, если проверяются все представленные подписи, то допустимая доля брака получается менее 10%: для тех, кто представит подписи по максимуму, она равна 10% от требуемого числа подписей, деленным на 110%, итого 9,09% от числа проверенных подписей.

Из 13 обсуждаемых кандидатов 8 сдали подписи по максимуму.

Все забракованные подписи делятся на две категории – недействительные и недостоверные.

Недостоверные – это по сути фальсифицированные подписи, то есть подписи, выполненные от имени одного лица другим лицом.

Основания для признания подписи недействительной, перечислены в 15 пунктах закона. При этом в некоторых пунктах содержатся сразу несколько оснований. Они весьма разнообразны – от подписей лиц, не обладающих активным избирательным правом в данном округе, до мелких ошибок в оформлении.

Вот теперь можно приступить к анализу протоколов.

У трех зарегистрированных кандидатов забракованы 2,5%, 6,3% и 8,9% (т.е. последний – на пределе). У девяти кандидатов, получивших отказы, доля брака от 11,4% до 21,2%. Напомню, что в период 2002–2005 годов допустимая доля брака составляла 25%, то есть по тем нормам они бы прошли. И только у одного процент брака действительно высок – 42%.

Теперь о том, за что браковали подписи. Сразу уточню, что основываюсь на протоколах. У четырех кандидатов на заседаниях ОИК сократили число забракованных подписей, но ненамного: от 13 до 54. Но в решениях не уточняется, в какие категории попадали восстановленные подписи.

Начну с наименее распространенных оснований.

Подписи лиц, не обладающих активным избирательным правом – максимум 65. Подписи избирателей без указания каких-либо из требуемых сведений – максимум 34. Подписи избирателей с исправлениями в дате – максимум 23. Подписи избирателей с неоговоренными исправлениями в сведениях о них – максимум 54. Подписи избирателей, которые внесены в подписной лист позднее заверения подписного листа – максимум 63. Подписи в листе, заверенном сборщиком позже кандидата – максимум 7. Это все индикатор внимательности тех членов команды кандидата, которые проверяли подписи.

Двойные подписи (избиратель расписался за одного кандидата более одного раза). У всех, кроме одного, максимум – 42. У одного таких подписей насчитали 108. Отловить команде кандидата единичные двойные подписи непросто, но 108 – это странно.

Все подписи в подписном листе, который заверен сборщиком, не внесенным в список сборщиков. У девяти кандидатов таких подписей нет, у остальных 15, 19, 65 и 164. Тут либо серьезное упущение команды кандидата, либо рабочая группа что-то напутала.

Подписи, собранные с нарушением правил сбора. У девяти кандидатов таких подписей нет, у остальных 14, 33, 118, 165. Скорее всего, это подписи, собранные членами УИК.

Все подписи в подписном листе, форма которого не соответствует требованиям закона, или который изготовлен не за счет средств избирательного фонда. У девяти канди-

датов таких подписей нет, у трех – от 2 до 7, но у одного кандидата таких подписей оказалось 563. Здесь надо разбираться: на практике придирки к форме подписного листа очень часто оказываются незаконными.

Подписи избирателей, собранные вне периода сбора подписей, в том числе до дня оплаты изготовления подписных листов. У шести кандидатов таких подписей нет, у шести – от 1 до 36, но у одного таких подписей насчитали 577. Насколько я знаю, кандидат утверждает, что в ОИК подменили документ об оплате подписных листов, представив подложный документ с более поздней датой.

Итак, у нас остаются **наиболее массово используемые основания**. Одно из них – **справка из МВД о том, что сведения об избирателе, не соответствуют действительности**. По этому основанию у трех зарегистрированных кандидатов забракованы 47, 50 и 72 подписи. У девяти кандидатов, получивших отказы, забракованы от 159 до 517 подписей. У одного МВД забраковало 1591 подпись.

Тут нужно очень тщательно разбираться. Причины не соответствия данных в подписном листе данным МВД могут быть разные. Это и ошибки операторов при наборе (на что жалуются многие кандидаты), и неточности в базе МВД, и неточности в подписном листе (в том числе незначительные опiski). Возможен и вариант, когда указанного избирателя нет, и это может быть следствием рисовки подписей, если рисовальщики пользовались устаревшей базой данных. Но, увы, МВД не выделяет такие случаи, а все смешивает в одну кучу.

К тому же сильные различия в количестве забракованных МВД подписей у разных кандидатов оставляет сомнения: действительно ли всех проверяли одинаково тщательно и одинаково беспристрастно? Например, полагаю, что количество ошибок операторов при вводе должно быть у всех примерно одинаково, а если оно сильно различается, это означает, что либо у кого-то проверялось не очень большое число подписей, либо ошибки делались сознательно.

Но вот теперь мы подходим к самому интересному – **подписям, забракованным на основании заключений почерковедов**. Они делятся на три категории. Во-первых, это уже упомянутые недостоверные (т.е. фальшивые) подписи. Во-вторых, подписи, где дата поставлена не самим избирателем. В-третьих, подписи, где данные об избирателе внесены не самим избирателем и не сборщиком.

Третья категория вызывает наименьшие сомнения. По внесенным сведениям все-таки можно сделать хоть какие-то выводы относительно почерка. И вот парадокс: по этому основанию у 12 кандидатов не забраковано ни одной подписи. Только у одного забракованы 422.

Не менее интересна ситуация с недостоверными подписями. **У десяти кандидатов недостоверные подписи не найдены, еще у одного найдена одна недостоверная подпись**. Отсюда можно сделать вывод: все обвинения этих кандидатов в фальсификации подписей, скажем мягко, являются домыслами.

У одного кандидата почерковеды насчитали 274 недостоверные подписи (что составляет 4,8% о числа проверенных); этот кандидат зарегистрирован. У другого количество недостоверных подписей достигло 322 (6,5%), вместе с недействительными оказалось 11,4%, и ему отказано в регистрации. У обоих кандидатов число недостоверных подписей превысило число недействительных.

И вот тут уже большие сомнения. Как почерковеды могут выявить столько недостоверных подписей? Ведь у них нет образцов почерка избирателей?

Не меньшие сомнения касаются третьей категории: дата внесения подписи не поставлена избирателем собственноручно. Но это основание – одно из главных. Только у трех кандидатов в соответствующей графе стоят 0 (как раз у тех, у кого много недостоверных подписей или подписей, забракованных из-за внесения сведений третьим лицом), еще у одного – 5 (как раз у того, у кого забраковали основную часть подписей из-за якобы

поздно оплаченных подписных листов – не странно ли?). У остальных девяти в этой графе от 148 до 572 подписей.

В результате мы видим, что у 12 кандидатов (всех, кроме одного) почерковедами забракованы от 148 до 572 подписей. У трех они забраковали более половины от общего числа забракованных подписей, еще у четырех – от 40 до 48%.

И возникает закономерный вопрос: насколько надежны такие заключения? Насколько они объективны? Не могут ли они быть орудием произвола и дискриминации?

На днях появилось интервью человека, представившегося как эксперт-криминалист с 15-летним опытом работы в органах МВД. В его ответах действительно чувствуется профессионализм, так что полагаю, что ему можно доверять. Вот что он говорит (вопросы интервьюера выделены курсивом:

«Почерковедческая экспертиза считается одной из самых сложных, продолжительных и достаточно трудоемких... *Цифру и подпись вообще можно сравнивать?* Как? В подписях обычно цифры отсутствуют. По цифре можно проводить почерковедческую экспертизу, но для сопоставления нужны цифры. Более правдоподобно выглядит претензия, что некоторые даты выполнены одной рукой. Но материала для каких-то заключений опять же мало. Написание цифр у многих людей очень похоже, поэтому эксперт в таком случае, скорее, откажется от категоричного вывода. *В каком виде обычно выносятся заключения?* Это объемный текст на несколько листов. Эксперт отдельно анализирует проверяемый текст, отдельно – образцы почерка, делает фототаблицу. По-хорошему, такая процедура должна проходить по каждому из пяти тысяч избирателей. Но этого не происходит. Поэтому графология на выборах напоминает шарлатанство с использованием науподобных методов. Невозможно за два дня угробить несколько сотен подписей».

Мне кажется, тот факт, что цифры мы пишем иначе, чем слова, очевиден всякому. Поэтому невозможно поверить, что почерковед может легко определить, один и тот же человек поставил дату и подпись, или разные. И несколько сотен подписей, забракованных по основанию «дата внесения подписи не проставлена избирателем собственноручно» вызывают слишком большие подозрения.

К сожалению, еще в 2007 году (если не раньше) были приняты решения ЦИК и Верховного Суда, которые позволили считать заключением эксперта-почерковеда всего лишь его подпись в нижней части листа ведомости проверки подписных листов.

Я убежден, что практика пошла по неправовому пути. В избирательном законе не разъясняется, что понимается под письменным заключением эксперта при проверке подписей. Согласно Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности», заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных. Можно полагать, с учетом масштаба и специфики проверки подписей в подписных листах, что письменная форма данного заключения может быть упрощена по сравнению с судебными экспертизами, в частности, можно допустить, чтобы заключение не оформлялось отдельным документом, а вносилось непосредственно в ведомость проверки. Но и в этом случае письменное заключение эксперта должно обеспечить возможность проверки доводов эксперта о подлинности исследованных текстов, подписей и дат, иметь хотя бы ссылку на то, почему эксперт считает именно так, а не иначе.

Добавим еще одно немаловажное обстоятельство. Почерковеды, привлекаемые к проверке подписных листов, служат в правоохранительных органах. Иными словами, это люди, которые вынуждены подчиняться приказам начальников. А о политическом нейтралитете их начальников приходится только мечтать.

Сейчас уже накоплено достаточно данных, которые добавляют сомнений в объективности выбраковки подписей почерковедами. Это и заключения независимых экспер-

тов-почерковедов, и свидетельства избирателей, чьи подписи забракованы, о том, что они собственноручно ставили подпись и дату.

Отдельный вопрос – о равном отношении избирательных комиссий к разным кандидатам. Здесь тоже накапливаются факты о том, что подписи зарегистрированных кандидатов проверялись недостаточно тщательно. Например, один кандидат подсчитал, что избирком не мог так быстро проверить по регистру избирателей подписи сразу трех кандидатов, и он предположил, что только его подписи проверялись тотально, а у двух остальных была проверена меньшая часть. Еще по ряду кандидатов приводились доказательства, что у них проверялись не все подписи.

Один из ярких примеров – особое мнение члена одной из ОИК, в котором утверждается, что он обнаружил в подписных листах одного из зарегистрированных кандидатов свою мать, которая в реальности подпись за него не ставила. Тем не менее, ОИК не признала эту подпись недостоверной.

Попробуем теперь подвести некоторые итоги с позиций конституционного права.

Вся эта история имеет два аспекта. Один – чисто юридический. Это то, как проходила проверка, насколько при этом соблюдался закон, насколько законно каждое признание подписи недействительной. Эти вопросы конкретны и требуют разбирательств в отношении каждого кандидата, а иногда и каждой подписи.

Второй аспект многие считают политическим, но это не совсем верно. Он не просто политический, он все равно еще и конституционно-правовой. Ибо конституционно-правовой смысл подписного фильтра исключительно в том, чтобы отсеять слабых кандидатов, не имеющих поддержки избирателей.

И хотя экспертам уже давно ясно, что подписной фильтр эту функцию не выполняет, никогда это не было видно так наглядно, как в этот раз на выборах в МГД.

Мы видим, что отказы в регистрации получили кандидаты, в отношении которых у экспертов нет сомнений в том, что они имеют поддержку избирателей. И одновременно были зарегистрированы кандидаты, которые, по оценкам экспертов, такой поддержки не имеют. Сейчас это только оценки, но после дня голосования их легко можно будет проверить.

И вновь все тот же вопрос: где причина – в плохом законе, или в неправильном применении закона?

У меня нет никаких сомнений в том, что многие положения избирательного законодательства, касающиеся регистрации кандидатов, неадекватны и требуют пересмотра. Система регистрации по подписям зашла в тупик – я об этом регулярно пишу уже много лет. Выявить фальсифицированные подписи с помощью предусмотренных законом процедур не удастся, зато возможностей для произвола довольно много.

Однако убедить в этом лиц, принимающих решения, пока не получается. Не потому ли, что их устраивает возможность произвола и политической дискриминации в ходе регистрации?

Однако и этот сильно несовершенный закон мог бы применяться иначе, если бы в основу толкования его норм были положены принципы, заложенные в Конституции РФ и международных правовых нормах. Это в первую очередь принципы приоритета прав граждан и принцип равенства кандидатов.

Для меня очевидно, что из конституционного принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина вытекает правило, согласно которому при решении вопросов регистрации кандидатов все сомнения должны трактоваться в пользу регистрации кандидата. Самое забавное, что это даже на словах признается представителями избиркомов. Но на практике у них все равно презумпция почерковеда.

Я полагаю, что подпись избирателя должна считаться действительной и достоверной, пока не будет доказано обратное.

Я полагаю, что так называемое заключение эксперта-почерковеда, не содержащее положений, которые могли бы быть проверены, не является допустимым доказательством недействительности или недостоверности подписи.

Я никогда не призывал и не буду призывать нарушать закон. Но очень часто правильно исполнить закон – задача нетривиальная.

Для меня, правоведа-самоучки, ясно, что есть буква закона, есть дух закона и есть правовые принципы.

Букву закона, разумеется, нарушать не следует, кроме тех случаев, когда одна буква противоречит другой. Но закон, каким бы он подробным ни был, все равно не охватит всех возможных случаев. И очень часто приходится решать, применима ли к данному случаю эта буква.

И начинается расширительное толкование буквы закона. А правомерно ли оно? На мой взгляд, правомерно только тогда, когда соответствует духу закона и правовым принципам. А если противоречит им – неправомерно.

Приведу пример все из той же московской кампании. Московский закон требует указания в подписном листе номера специального избирательного счета, с которого произведена оплата изготовления подписных листов. Невнесение этого сведения является основанием для признания недействительными всех подписей в подписном листе.

У одного кандидата в подписных листах обнаружена опечатка: в номер расчетного счета, с которого производилась оплата, закралась лишняя цифра. Избирком квалифицировал это как отсутствие номера счета и на этом основании забраковал почти все подписи.

Я знаю, что на практике, увы, неточность в указании каких-либо сведений часто приравнивается к неуказанию. Но это по сути разные нарушения. И мне очевидно, что за неуказание санкции должны быть строже, чем за ошибку при указании. Поэтому я считаю недопустимым расширительное толкование. Нет в законе санкции за опечатку при указании расчетного счета, значит, не надо ее придумывать!

Или другой случай. У кандидата один документ, а у избиркома другой. Кто должен доказывать, что его документ подлинный, а у оппонента фальшивый? Для меня очевидно: доказывать должен избирком (этот принцип, кстати, и в процессуальном кодексе заложен). Но почему-то некоторые члены избиркомов (в том числе и с юридическими степенями) считают иначе.

А теперь вернемся к процедуре проверки. В законе написано, что должна быть проверка. Но в законе не сказано, насколько дотошной она должна быть. Очевидно, что степень дотошности коррелирует с человеко-часами, затраченными на проверку. И избирком в любом случае вынужден проводить проверку в соответствии с возможностями своих членов и привлеченных экспертов.

И вот тут ключевой вопрос. Принцип равенства – вот то, что должно соблюдаться неукоснительно. Какова бы ни была степень дотошности, она должна быть для всех кандидатов одинаковой. Если нет возможности особенно дотошно проверить всех, значит, так не надо проверять никого! И такой подход будет соответствовать правовым принципам и духу закона и никакую букву при этом не нарушит.

Я догадываюсь, что мне в избиркомах возразят: мы всех проверяем одинаково. Но я на слово не верю. Пусть соответствующие специалисты приведут нормы: сколько времени нужно почерковеду для проверки подписных листов на предмет выявления тех дефектов, за которые отвечает почерковед? Сколько времени нужно для проверки данных об избирателе по регистру, а потом по базе МВД? И сколько времени реально было затрачено на проверку подписей каждого кандидата?

Есть ряд решений ЕСПЧ по недопуску кандидатов на выборы. Одно из них по жалобе из России – от бывшего генерального прокурора Юрия Скуратова, снятого с выборов в Государственную Думу 2003 года. Хотел бы обратить внимание на один абзац из решения по Скуратову. По-моему, он имеет прямое отношение к ситуации с отказами на выборах в МГД:

«42. Европейский Суд также повторяет, что объект и цель Конвенции, являющейся инструментом защиты прав человека, требуют, чтобы положения Конвенции толковались и применялись таким образом, чтобы сделать содержащиеся в них нормы не теоретическими или иллюзорными, а применимыми на практике и эффективными... Право участвовать в выборах в качестве кандидата, гарантированное статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции и содержащееся в концепции истинно демократического режима, будет иллюзорным, если человека можно в любой момент **произвольно лишить этого права**. Следовательно, хотя государства действительно располагают широкой свободой усмотрения при установлении – абстрактно – условий для участия кандидата в выборах, принцип эффективности права требует, чтобы вывод о несоблюдении кандидатом на выборы указанных условий отвечал ряду критериев, выработанных для **предотвращения вынесения произвольных решений...**» (выделено жирным мной).

Мне кажется очевидным, что необоснованные заключения почерковедов – это способ принятия **произвольных решений**. И практика показывает, что принятие таких произвольных решений, в том числе благодаря «заключениям» почерковедов, действительно имеет место.

Мне когда-то объясняли на примере большевиков: они начали с произвола в отношении своих явных врагов, потом произвол перешел на конкурентов вождя, потом произвол стал нормой жизни.

Полагаю, что задача юристов-конституционалистов – **бороться с произволом**.